ДРЕМЛЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФЕДОР фЕДОРОВИЧ АРИСТОВ (1888-1932)

Мы уже писали (№ 3, 2017, газета "Потаенное") о выдающемся, до сего дня непревзойденном знатоке Карпатской Руси - знаменитом проф. Федоре Федоровиче Аристове. Никто ни до него, ни после не собрал и не написал, в частности, столько материала по литературе фактически забытых регионов Карпатской Руси. Это Галичина, Буковина и Закарпатье, входившие в состав австро-венгерской империи. Во времена Ф.Ф.Аристова эти края - осколки единой Древней Руси с преобладающим русским населением в 5 миллионов - веками были искусственно разобщены границами нескольких государств. Далеко от Руси-России...

Благодаря именно проф. Ф.Ф. Аристову были спасены от забвения и уничтожения многие литературные произведения выдающихся поэтов и писателей Карпатской Руси. При чтении некоторых его исследований неизбежно возникнет мысль: что-то похожее мы слышим и наблюдаем сейчас, хотя речь в его работах идет о событиях и людях почти вековой давности.

В Австро-Венгрии, где все русское игнорировалось и уничтожалось, все же выходили русские газеты и журналы, печатались книги карпаторусских писателей и поэтов на русском языке. Издавались в Галичине: газеты "Слово", "Галичанин" и др., сборники "Зоря галицкая", "Ластовка"; в Подкарпатье: газеты "Листок", "Свет", "Сова", журналы "Родимый листок" и др.; в Буковине: газета "Буковина", журнал "Искры" и др. Во всех этих регионах, а также и в столице империи - Вене издавались книги карпаторусских писателей. Сейчас ничего подобного просто нет. А их литература дремлет в ожидании своего часа...

В России того времени тема Карпатская Русь во всем ее объеме была практически неизвестна. Но и сегодня можно сказать то же самое, правда, с некоторыми оговорками. Все же выходят оригинальные произведения писателей Карпатской Руси, к примеру: впервые в России были изданы четыре книги галичанина Ильи Тероха (1880-1942), "Избранное" закарпатца Ивана Сильвая (1848-1904), "Русский соловей" закарпатца Михаила Врабеля (1866-1923) и др. Появляются и прекрасные исследования на эту тему. Значительным событием явилось переиздание (в 2013 г.) первого тома проф. Ф.Аристова "Карпаторусские писатели" (1-е издание - 1916 г., Москва, 2-е - 1977 г., США).

А сейчас предлагаем вниманию наших уважаемых читателей интереснейший труд (в сокращении) Ф.Аристова "Карпато-русская библиография" (Львов, 1930). Так же, как и автор, мы надеемся, что обязательно настанет день, когда пробел в изучении Карпатской Руси исчезнет. Как сказал наш незабвенный Федор Федорович: "Этот пробел необходимо восполнить, и он, конечно, будет восполнен". Ждем...

Наталия ГАТТАС

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ КАРПАТСКОЙ РУСИ

1. ОБЪЕМ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ КАК НАУКИ

История литературы должна давать полную картину литературного развития всего данного народа. Никакое государственное раздробление не может нарушить этнографическое единство. Национальное самосознание властно требует внимательного отношения ко всем составным частям данного народа, хотя нередко и раздробленного между несколькими государствами, но образующего единое культурное целое.

Это положение является аксиомой для историка литературы любого народа.

Так, до 1859 года не было единой Италии, но существовала история итальянской литературы как картина художественного творчества единого в национально-культурном отношении итальянского народа. Объединенная Германия возникла только в 1871 году, но немецкий народ и при государственном раздроблении сознавал себя в качестве единого национального организма. Немецкие историки литературы излагают в своих трудах деятельность немецких писателей не только Германии, но также Австрии и Швейцарии. Литературные историки Франции всегда с любовью посвящали свое внимание писателям хотя и забитой (немцами), но никогда не забытой (французами) отторгнутой Эльзас-Лотарингии...

Не только государственное раздробление, но и значительные диалектические особенности, имеющие место внутри некоторых европейских языков (как, напр., провансальское наречие во Франции или Plattdeutsch в Германии), не являются препятствием к тому, чтобы считать данный народ за единое национально-культурное целое и включать областные литературы в общую историю национального литературно-художественного творчества.

Подобно народам Запада и среди отдельных ветвей славянства существует точно такое же понимание объема и задач истории литературы как науки. Так, несмотря на раздробление довоенной Польши между Россией, Австрией и Германией польские исследователи всегда давали историю литературы всего польского народа. Сербо-хорваты до первой балканской войны (1912 г.) входили в состав четырех государств: Сербии, Черногории, Турции и Австро-Венгрии, но всегда считали себя единым народом, стремившимся не только уничтожить искусственные политические границы, но изжить культурно-историческую обособленность отдельных областей, знаменательным образцом чего является литературно-объединительное движение эпохи иллиризма (Людевит Гай и его сподвижники у хорватов в 1840-х годах)...

Таким образом, для западноевропейских и славянских исследователей является непреложной истиной, что история литературы должна давать полную картину литературного развития всего данного народа. Только историки русской литературы представляют печальное исключение из этого общего правила. При всех своих неоспоримых заслугах они имеют один коренной недостаток - полное умолчание в своих трудах о литературном развитии Карпатской Руси. Вследствии этого все "истории русской литературы" обычно излагают историю общерусской литературы в пределах России или же в одной Великороссии. Ни областные литературы на местных наречиях, как малорусская и белорусская, ни литературное развитие Карпатороссии в трудах русских ученых в России не находят своего отражения. Поэтому такие "истории русской литературы" не являются полными и, следовательно, не могут считаться отвечающими научным требованиям,

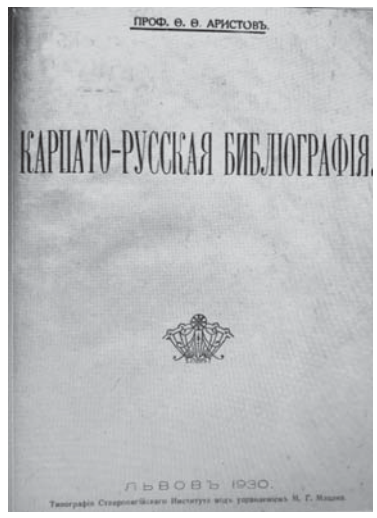
2. ПРИЧИНЫ ЗАБВЕНИЯ ИСТОРИКАМИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРПАТСКОЙ РУСИ

Почему историки русской литературы были "ленивы и нелюбопытны" к вопросам развития Карпатской Руси? На это имелись причины объективного (внешнего) и субъективного (личного) характера. Они отнюдь не дают оправдания такому забвению, но все же являются "смягчающими вину обстоятельствами".

Главнейшими из этих причин были следующие:

1) История русской литературы, как и вообще историческая наука в России, находилась очень долгое время (по крайней мере, целое столетие) под гипнозом принципа государственности в ущерб идее народности. Н.М.Карамзин написал "Историю Государства Российского" и получил официальное звание русского историографа; выступать против его точки зрения считалось чуть ли не подрывом основ русской государственности и можно было попасть в разряд неблагонадежных людей со всеми вытекающими отсюда последствиями…

История русской литературы как более молодая отрасль русской истории унаследовала ее общие принципы, не развив их пока до конца и не



завоевав себе вполне самостоятельного положения. Гипноз государственности и здесь дает себя чувствовать на каждом шагу. Историки русской литературы еще не усвоили той простой мысли, что и за пределами России простираетися Русь.

Это пять миллионов русского населения Галицкой, Буковинской и Угорской (ныне Подкарпатской Руси), представляющей собою небольшую, но стойкую часть обширного русского мира. Весьма характерно, что старейшее в России литературное объединение до сих пор именуется "Общество Любителей Российской Словесности". Такая российская, а не русская (т.е. государственная, а не народная) точка зрения превратилась в традицию. Этот консерватизм мысли идет вразрез как с требованиями современной жизни, так и действительной науки. Объем и задачи истории русской литературы должны быть коренным образом пересмотрены, и только после этого она превратится из наукообразной в научную дисциплину.

2) Все печатные произведения (на общерусском языке), изданные в Карпатороссии, лишь в виде исключения попадали в пределы России. Цензура их неохотно пропускала, руководствуясь положением о запрещении к ввозу в Россию заграничных русских изданий, под которыми обычно понималась политическая литература русских эмигрантов (Герцен, Бакунин, Лавров и др.). Не только у отдельных исследователей, но и в крупнейших книгохранилищах России карпаторусские издания отсутствовали.

3) Поездки русских ученых в пределы Галицкой, Буковинской и Угорской Руси весьма неохотно разрешались австро-венгерскими властями, чем тормозилась возможность работы на месте.

4) Украиноманы, писавшие в русских повременных изданиях в России, старались фальсифицировать истинное положение вещей в Карпатороссии и создать впечатление, что там все культурные деятели являются приверженцами "украинства". В действительности же все выдающиеся карпато-русские писатели, составляющие целую плеяду, издавали свои сочинения на общерусском литературном языке и неизменно отстаивали идею национально-культурного единства русского народа.

5) В то время, как русская художественная литература в России посвящена по преимуществу социальным вопросам, карпато-русские писатели, главным образом, служили национальной идее. Среди космополитической русской интеллигенции наблюдалось полное пренебрежение к национальной проблеме, национальное самосознание почти отсутствовало, и национализм рассматривался как одно из проявлений консерватизма. Поэтому карпаторусские писатели, эти борцы за национальную свободу, были идейно мало понятны образованному обществу в России, понявшей всю остроту национального вопроса только в эпоху мировой войны и последовавших за ней событий.

6) Русское образованное общество в России, не имея национального лица, вообще не знало, как надо рассматривать карпатороссов: считать ли их коренными русскими или наоборот, это вновь испеченные (с 1860-х годов) "украинцы", не желающие иметь ничего общего с русской культурой, или, наконец, карпатороссы просто братья-славяне. Даже такой крупнейший исследователь, как академик А.Е.Пыпин, включил обзор литературного развития Карпатской Руси не в "Историю русской литературы", а в свою "Историю славянских литератур", чем допустил принципиальную (методологическую) ошибку и не разъяснил, а лишь запутал самый вопрос.

Но если "гора (Россия) не шла к Магомету (Карпатороссии), то Магомет должен был идти к горе", что и сделали виднейшие представители Карпатской Руси. Они одновременно ознакомили с положением своей обездоленной родины европейское общественное мнение: речи галицко-русских депутатов в Венском парламенте, особенно выступление д-ра Д. А.Маркова на общерусском языке в июне 1907 года ("Славянский мир"), участие на Славянском съезде 1908 года в Праге, где представители России и Карпатороссии составили одну делегацию, подчеркнув тем самым общерусское национально-культурное единство, и, наконец, побывали на Гоголевских торжествах в Москве (1909 г.), где приковали к себе внимание национально-сознательной части русского образованного общества.

Убедившись воочию, что карпатороссы самые настоящие русские люди, что у них так же, как и в России, имеются налицо политические течения от умеренно-правых (газета "Галичанин") до крайних левых (журнал социалистической молодежи "Новая жизнь"), русские исследователи в России должны были заняться всесторонним изучением Карпатской Руси, но этого, однако, не сделали. Этот пробел необходимо восполнить, и он, конечно, будет восполнен!..

3.ВАЖНОСТЬ РАЗРАБОТКИ КАРПАТОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕРУССКОЙ НАУКИ

Каждый исследователь в области руссоведения, т.е. всестороннего и, действительно, полного изучения русского мира, найдет для себя новый, интересный и мало использованный материал, касающийся прошлой и настоящей жизни Карпатской Руси…

Возьмем для примера некоторые, наиболее важные, вопросы русской науки:

1) Вопрос о русско-славянской прародине, который до сих пор привлекает внимание русских историков и археологов, высказывавших целый ряд предположений и догадок и приведший к созданию нескольких школ и направлений - гораздо успешнее и скорее разрешился бы при условии подробного изучения древней истории Карпатской Руси, где русское население было искони автохтонным, чем опровергается, с одной стороны, теория "норманистов", а с другой - отпадает надобность искать прародину славянства и вообще индоевропейского человечества в пределах Средней Азии, где-то неподалеку от Индостана.

2) Вопрос о названии "Русь" тоже связывался то с призванием варягов, то считался словом готского происхождения; между тем история Карпатороссии свидетельствует о том, что здесь население еще за много веков до "призвания варягов" называло себя русским.

3) Вопрос о культурном влиянии русских славян на соседние неславянские народности (румын, мадьяр) и др., от которых русские находились в политической зависимости, также дает весьма поучительный материал в смысле географической номенклатуры (напр., румынский город Галац является искажением русского слова Галич), официальной терминологии и даже литературного развития. В Румынии существовала молдавская письменность, пользовавшаяся русским языком.

4) Вопрос о судьбах русского книгопечатания тесно связан с Галицкой Русью, куда бежал знаменитый первопечатник Иван Федоров Москвитин.

5) Вопросы русского просвещения неотделимы от истории Юго-Западной (и в частности - Галицкой) Руси, где Львовское Ставропигийское Братство (основано в 1439 г.) развило широкую школьную и типографскую деятельность; кроме того, Карпатороссия дала России нескольких выдающихся ученых, как П.Д.Лодий, М.А.Балудянский и Ю.И.Венелин, который своим трудом "Древние и нынешние болгаре" положил начало изучению в России болгарского народа, а в качестве воспитателя Константина и Ивана Аксаковых является отцом русского славянофильства.

6) Распространение русской художественной литературы (за пределами России) нигде не получило таких широких размеров, как в Карпатороссии, через которую перешло и к другим австрийским славянам; они создали в 1907 году "Союз славянских депутатов" Венского парламента и приняли русский язык как общеславянский, на котором велись протоколы и произносились все важные речи не только на славянских торжествах, но даже и в австрийском парламенте.

7) Карпатороссия сама создала целую плеяду писателей, издававших свои произведения на прекрасном русском языке; это обстоятельство весьма обогатило общерусскую художественную и научную литературу и заставило в корне изменить рамки ее изучения, включив в понятие "русские писатели" научно-литературных деятелей, как России, так и Карпатороссии.

8) На территории Карпатороссии в течение веков создавался запутанный и сложный узел русско-польских (Галичина), русско-румынских (Буковина) и русско-мадьярских (Подкарпатье) отношений. Здесь же возник "пьемонт украинства". Этот узел не распутан и до сих пор, а, наоборот, после мировой войны вследствие неумелого вмешательства великих держав в разрешении русской проблемы, получил еще большую остроту. Таким образом, судьбы Карпатороссии приобрели международное значение.

4.ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ КАРПАТСКОЙ РУСИ

Карпатороссия (т.е. Галиция, Буковинская и Подкарпатская Русь в своей совокупности) заселена малоруссами, представляющими вместе с великоруссами и белоруссами одно этнографическое целое или один национальный организм - русский народ. Поэтому никакой особой карпаторусской литературы не существует, а есть только отдельные карпаторусские писатели, которые в зависимости от своих личных влечений и политических убеждений писали или на одном из местных наречий Карпатской Руси и, таким образом, входят в историю малорусской литературы, или, наоборот, пользовались для своих произведений общерусским языком и поэтому должны быть рассматриваемы в истории общей русской литературы. При этом необходимо отметить, что в то время, как писатели украинофилы пользовались в своих сочинениях почти исключительно малорусским наречием, напротив, писатели общерусского направления отличались большим идейным кругозором, любовно относясь как к местным наречиям (как проявлению многообразия в единстве), так и к

русскому литературному языку, и тем самым разграничив сферы применения частного (материнского наречия) и общего (отечественного) литературного языка, созданного трудами всех ветвей русского народа. Вообще, при изучении литературного творчества Карпатской Руси, необходимо помнить, что там в среде одного и того же карпаторусского (малорусского) населения, одновременно развиваются две параллельные литературы: общая - русская и частная - малорусская. Другой особенностью литературного развития Карпатороссии является то обстоятельство, что русский язык и изящная словесность, на нем созданная, хотя и проходили те же самые стадии развития, как и среди основной массы русского народа в России, но темп этого развития был более медленный, так как русские классики попадали в пределы Карпатской Руси с большим запозданием и притом часто случайно, а кроме того, свободное развитие общерусского языка и литературы всячески тормозилось крайне тяжелыми условиями карпатороссов под иноземным владычеством.

Далее, надо иметь в виду, что Карпатороссия, составляющая единое этнографическое целое, политически почти всегда была раздроблена между тремя государствами, что заставляло карпатороссов дробить свои силы в борьбе за национальное развитие на основе общерусской культуры. Несмотря, однако, на такое искусственное разобщение трех частей (Галичины, Буковины и Подкарпатья) одной Карпатороссии, об их литературном развитии каждой в отдельности можно говорить только до эпохи национального возрождения (1849 год). До этой знаменательной эпохи и Галицкая, и Буковинская, и Угорская Русь имели своеобразные черты в своем литературном развитии (не в древний, а в средний период их истории, т.е. с половины 14 века и до середины 19 столетия). С 1848 года, этой “весны народов”, карпаторусские писатели, независимо от их места рождения и постоянного жительства своими трудами принадлежат не только всей Карпатской Руси, но и вообще всей Руси, т.е. как родной Карпатороссии, так и великой, братской России. Поэтому нет никакой надобности в том, чтобы с 1848 года подразделять карпаторусских писателей на галичан, буковинцев и угроруссов. Ведь угроросс по рождению А.И.Добрянский в 1880-х годах считался общепризнанным вождем также и в Галицкой Руси. Галичанин по происхождению Я.Ф.Головацкий стяжал себе почетную известность и в Подкарпатье своим четырехтомным сборником “Народные песни Галицкой и Угорской Руси”. Буковинец по рождению В.Д.Залозецкий прославился как писатель Галицкой Руси. Таких примеров можно привести множество, и все они будут свидетельствовать о самой тесной связи литературного развития всех частей Карпатороссии, т.е. Галицкой, Буковинской и Подкарпатской Руси в их совокупности.

При изучении жизни и творчества карпаторусских писателей (с 1848 года и до наших дней) лучше всего располагать их хронологически (по годам рождения) независимо от того, являются ли они уроженцами Галичины, Буковины или Подкарпатья. Идейное значение карпаторусских писателей настолько велико, что никак не может быть ограничено тесными пределами их родного края.

(Продолжение следует)

От редакции

Три тома сочинений поэта и писателя Карпатской Руси И.И. Тёроха изданы редакцией газеты «За Русское Дело» в 2009-10 гг. при непосредственной поддержке Н. Гаттас.

Условия приобретения книг Ильи Ивановича Тёроха - на 8 стр. газеты.

СВЕДЕНИЯ О СТАРОЙ ЛАДОГЕ

...Особый этап истории Ладоги наступает в XI в. Около 1020 г. Ладога — Альдейгьюборг[62] и та земля, которая к ней относилась, была отдана в лен в качестве свадебного подарка Ярославом Мудрым своей жене Интигерд — дочери шведского конунга Олафа.[63] Управлял Ладогой наместник великой княгини Ингигерд — Ирины, ее родич Рогнвальд, а после смерти последнего в 1030 г. его сын Эйлиф. Ладожские правители — шведы напоминали служилых князей. Их действия ограничивались договором, согласно которому они управляли своей землей, содержали наемный отряд, защищали государство конунга, собирали дань и отдавали ее часть центральной власти.[64] Обстановка держания Ладоги ярлом передается древне-исландской сагой в следующих характерных словах: «и ту землю (Ладожскую. — А. К.) взял Эйлив ярл, у него тоже было много норвежцев, и он давал им жалование по договору; это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга (здесь Ярослава Мудрого.— А. К.) от язычников».[65] Под последними можно понимать и заморских варягов-находников и некоторые воинственные финские племена вроде еми или более близкой приладожской чуди.

Указание источника о необходимости защитных действий со стороны ладожских ярлов соответствует не только обычной юридической формуле, но и переменчивой обстановке того времени. Под 1030 г. летопись сообщает о походе великого князя Ярослава Мудрого на эстонскую чудь и основании там Юрьева, а в 1042 г. князем Владимиром Ярославичем был совершен трудный поход на емь.[66] Военная напряженность 1030—1040гг. отразилась в резком увеличении монетных кладов, зарытых в восточном Причудье, восточной Эстонии и Финляндии.[67] Возможно, что опасность вооруженных столкновений существовала и в районе Ладоги, что и вынуждало содержать там воинский контингент наемников.

[62] Среди 12 упомянутых в сагах русских городов лишь Ладога — Алдейгьюборг (также Алаборг) имеет корень «борг». Не отражает ли такая особенность перенос скандинавами знакомых им названий западноевропейских континентальных городов на крепость в низовьях Волхова? Действительно, элемент «борг» использовался в северных источниках для обозначения нескандинавских городов (Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 202). По мнению Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазыриной, наименование Ладоги Альдейгьюборгом связано, во-первых, с этапностью знакомства варягов с русскими городами, во-вторых, передает нетипичное для русских поселений впечатление от Ладоги, снабженной не деревянной, а каменной крепостью (Глазырина Г. В. Русский город в норвежской саге // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 год / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1984. С. 53; Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги // Там же. 1985 год. М., 1986. С. 108 сл.).

[63] Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнерусской литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 58—59.

[64] Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги. С. 111 - 112.

[65] Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге... С. 60.

[66] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 101; Новгородская первая летопись... С. 16.

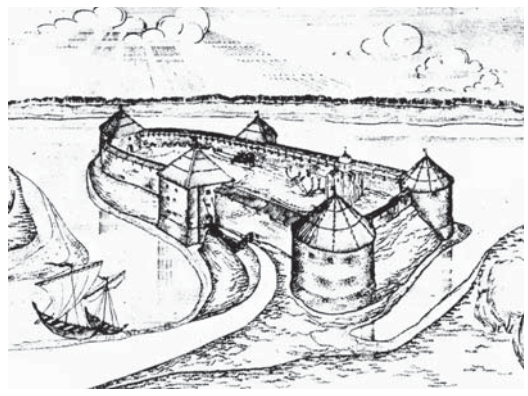
[67] Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тысячелетия н. э. // Вопросы истории Европейского Севера /Отв. ред. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1984. С. 144. Рис. 4, А и Б.

А.Н. Кирпичников. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. В кн.: Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Выпуск I. Л., 1988. с. 38—79

http://www.rusarch.ru/kirpichnikov8.htm

Доклад в секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 14. IV. 1941. Это был последний доклад Елены Александровны, погибшей в ноябре 1941 г. в осажденном Ленинграде.

В дополнение к археологическим исследованиям в Старой Ладоге и в Приладожье, вскрывшим множество ценнейшего материала для всестороннего изучения как самой Ладоги — одного из древнейших русских городов, так и примыкающей к ней территории, в настоящей статье даются



в переводе письменные известия о Ладоге, содержащиеся в древнесеверной литературе.

...В нашей научной литературе нет полной общей сводки летописных известий о Ладоге, но те, которые содержатся в древнейших летописных сводах, во всяком случае, хорошо известны всем историкам, занимающимся древней Русью. О ранней Ладоге наши летописцы, как мы знаем, сообщают сравнительно немного. Северные известия кое в чем дополняют их и не лишены интереса, хотя не дают, к сожалению, сколько-нибудь широко развернутой картины для конца X в. — первой половины XI в., т. е. для времени, в пределах которого они вообще что-нибудь знают о Ладоге. Называют они ее Aldeigjuborg; в песне одного скальда X в. мы находим Aldeigja. Упоминают они о ней реже, чем о Новгороде (Holmgardr), а к середине XI в. она уже исчезает с их страниц. Восходящие к XII—XIII вв. исландские географические сочинения уже не знают Ладогу в числе русских городов, так же и исландские анналы, составление которых относится к концу XIII и к XIV вв.

...Hkr. I, стр. 416—419, сага об Олафе, сыне Трюггви, гл. 90. Поход Эйрика на восток.

Эйрик ярл поплыл осенью обратно в Швецию (Svipjod) и пробыл там зиму. А весною снарядил он свою рать и поплыл на восток. А когда он пришел в землю Вальдамара конунга, стал он грабить и убивать людей и жечь повсюду, где проходил, и опустошил землю ту. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город тот, убил там много народа, а крепость ту всю разрушил и сжег. И после того далеко ходил он с боевым щитом по Гардарики; так говорится в Bandadrapa: «воин пошел после того опустошать мечом землю Вальдамара; буря меча усилилась после того как ты, гроза мужей, разрушил Альдейгью; мы это знаем верно; жестокой была та война между мужами; ты пришел на восток в Гарды». Эйрик ярл пробыл в этом походе всего пять лет, а когда он ушел из Гардарики, пошел он с боевым щитом по всей Adalsysla и Eysysla и захватил он там у датчан четыре корабля викингов и перебил всех, кто там был. Так говорится в Bandadrapa… Эйрик ярл отправился в Данию, после того как пробыл одну зиму в Швеции (SvlaveMi), к Свейну… конунгу данов… Эйрик ярл проводил зиму в Дании, а иногда в Швеции, а лето — в походе.

...Приступая к известиям Hkr. о Ладоге при Ярославе Мудром, мы возвращаемся от легенды к истории, к русско-шведским отношениям времени Ярослава. Дело идет о браке его с Ингигерд, дочерью Олафа Шведского. Ингигерд была сначала обручена с Олафом Норвежским (Олафом Святым), но ее отец не ладил с этим своим западным соседом, почему и предпочел принять предложение брака дочери с Ярославом, от которого, как мы уже знаем, в 1019 г. приходили с этой целью послы; на следующий год, весною 1020 г., они явились снова.

1020 г., Hkr. II, стр. 180—182, сага об Олафе Святом, гл. 93.

Олаф поговорил об этом деле с Ингигерд и говорит, что желает ее брака с Ярислейфом-конунгом. Она отвечает: «если выходить мне замуж за Ярислейфа-конунга, то я хочу, — говорит она, — в свадебный дар Альдейгьюборг и то ярлство (jarlsriki), которое к нему относится». И послы гардские (gerzkir) согласились на это от имени конунга своего. Тогда сказала Ингигерд: «если ехать мне на восток в Гардарики, то я хочу выбрать в Швеции (Svlaveldi) мужа, которого считаю самым пригодным для того, чтобы ехать со мной; хочу также поставить условие, чтобы на востоке у него было не менее почетное звание, чем здесь, и нисколько не меньше прав и почета, чем здесь». На это согласился конунг, а также и послы; дал конунг обещание и послы также. Тогда спросил конунг Ингигерд, кто тот муж в его земле, которого она хочет выбрать себе в спутники. Она отвечает: «тот муж — Рогневальд-ярл, сын Ульфа, родич мой».

Олаф согласился отпустить Рогнвальда с миром, но с условием, что тот не будет показываться ему на глаза, пока он, Олаф, правит Швецией. Крепкая неприязнь его к Рогнвальду объясняется тем, что этот гаутландский ярлх был в большой дружбе с Олафом Норвежским. Снарядив дружину и корабли, Рогнвальд присоединился к Ингигерд в назначенном ею месте для совместного отъезда на Русь.

«Отправились они все вместе летом на восток, в Гардарики. Тогда вышла Ингигерд замуж за Ярнслейфа-конунга. Сыновьями их были Вальдамар, Виссивальд, Хольти Смелый. Ингигерд княгиня дала Рогнвальду ярлу Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит. Пробыл Рогнвальд ярл там долго и был знаменитым мужем. Сыновьями Рогнвальда ярла и Ингибьорг были Ульф ярл и Эйлиф».

О Рогнвальде в Ладоге говорит и Eym., в которой он действует заодно с княгиней Ингигерд, но роль его в изложенных в этой саге событиях сравнительно незначительна. По окончании борьбы Ярослава с братьями (Буислафом — Святополком и Вартилафом — Брячиславом Полоцким, оказавшимся в саге также его братом, а не племянником) было между прочим решено, что «Рогнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг как держал до сих пор (II, стр. 133, сага об Олафе Святом, гл. 105)». Несколько далее (стр. 134) находим еще некоторые сведения о Рогнвальде: «Рогнвальд сын Ульфа был ярлом в Альдейгьюборге. Они с Ингигерд княгиней были дети сестер. Он был вождь великий и обязан данью Ярислейфу конунгу и дожил до старости. И когда святой Олаф сын Харальда был в Гардарики, был он у Рогнвальда сына Ульфа, и была между ними величайшая дружба».

Приведенные здесь сведения саг о Ладоге сходятся с нашей летописью в том, что в этом городе с примыкающей к нему территорией нет своего князя, в противоположность Новгороду, Полоцку и другим. После легенды о Рюрике, как о ладожском князе, Ладога уже не появляется на страницах летописи в том обороте городов и волостей, в том распределении их между князьями, которое так хорошо знакомо нам по летописи со всеми его последствиями. Известия саг о Ладоге, как мы видим, очень фрагментарны, очень неполны, но тем не менее несколько освещают ее историю в XI в., хотя бы в отношении места, занимаемого ею в империи Рюриковичей при Ярославе Мудром. Она подчинена новгородскому князю; там сидят его ставленники, по сагам — скандинавы, вожди его наемной дружины; административные функции их охарактеризованы сбором дани. Возможно, что «держали» Ладогу иной раз и русские воеводы, но вполне допустимо, что при Ярославе в его ладожской дружине скандинавский элемент преобладал. То обстоятельство, что Ярослав охотно согласился посадить Рогнвальда в важном окраинном пункте, каким являлась Ладога, и в дальнейшем, судя по сагам, продолжал благоволить к нему, показывает, что, несмотря на брак с дочерью Олафа Шведского, Ярослав в своей скандинавской политике действовал независимо от симпатий и антипатий своего тестя: выдвигая Рогнвальда, он тем самым оказывал почет и покровительство, если не открытому противнику Олафа, то во всяком случае одному из тех, кто — выразимся живописным языком русской летописи — «молвяху во здоровье» Олафу Норвежскому, врагу одноименного шведского конунга.

Fask. стр. 218.

«У Ярислейфа конунга всегда было много норманнов и шведских мужей. А когда умер Рогнвальд ярл, сын Ульфа, и ту землю взял Эйлиф ярл, у него тоже было много норманнов, и он давал им жалование по договору. Это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга от язычников. Ярислейф конунг поставил Харальда вторым вождем над своей дружиной и давал жалованье всем его мужам».

...С таким же значением, как и в рассказе о Магнусе, сыне Олафа, появляется Ладога и в кратком известии об отъезде из Руси в 1043 г. Харальда Норвежского с женой, дочерью Ярослава Мудрого, Елизаветой, на которой он женился после того, как побывал в Византии и в Сицилии. Проведя зиму у Ярослава, «весной собрался он в путь из Хольмгарда и отправился в Альдейгьюборг; там достал себе корабль и поплыл с востока летом, повернул прежде всего к Швеции (Svipjod) и стал держать путь к Сигтуне (Hkr. III, стр. 99, сага о Харальде hardradi, гл. 17)».

За теми очень немногими и беглыми штрихами, которыми очерчена Ладога в этих двух последних известиях, можно тем не менее представить себе некоторые черты экономического быта ладожского населения, связанные с оживленным судоходством по Волхову, с сообщением между Ладогой и Новгородом. В Ладоге путники пересаживаются на корабли, предназначенные для морского плавания, снаряжают их, снабжаются всем необходимым. Скальд Арнор упоминает о русских снастях на корабле Магнуса, сына Олафа. Все это, вероятно, изготовлялось на месте ладожскими ремесленниками и запасалось ко времени начала навигации для сбыта скандинавским мореходам. Суда, ходившие по Балтийскому морю и по Волхову между Ладогой и Новгородом, были, очевидно, не однотипны, что предполагает известную дифференциацию ремесленного труда по их снаряжению и ремонту. Возможно, что дальнейшие археологические исследования в Старой Ладоге вскроют какие-нибудь следы местного ремесла, остатки мастерских и т. п. Различные виды труда, связанные с движением по Волхову, известны нам довольно подробно для более позднего времени, когда ганзейские купцы ходили со своими товарами по Волхову через Ладогу (перегрузка товаров, работа местных лоцманов и грузчиков и т. п.); то же самое можно предполагать и для XI в.

На известии об отъезде Харальда в 1043 г. кончаются сведения исторических саг о Ладоге. Она неоднократно появляется на страницах сказочно-романтических саг — литературы, процветавшей на скандинавском Севере в XIII—XIV вв. и дошедшей до нас по большей части в списках еще позднее этого времени. Эти саги представляют себе Aldeigjuborg как укрепленный город, центр целой области в Гардарики, лежащий на пути из этой страны в Швецию, на реке, названия которой не приводят. Один раз встречается в них древнейшая форма скандинавского названия Ладоги — Aldeigja, известная нам в поэме скальда Эйольфа в X в.; здесь она введена в прозаический текст.

Е.А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнерусской литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. с.51-64

https://arheologija.ru/ryidzevskaya-svedeniya-o-staro..

Е.А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIII вв. 1978г., 240с.

Е.А. Рыдзевская